

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 9

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АМЕРИКАНСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
УЧЕНЫХ СИБИРИ И ПРЕПОДАВАНИИ
В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Томск, 18–19 октября 2007 г.



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

«ОДИССЕЯ» В.А. ЖУКОВСКОГО: КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Н.Е. Никонова

Томский госуниверситет

Настоящая работа представляет собой попытку взглянуть на перевод сквозь призму взаимодействий оригинальных интенций переводчиков и культурных кодов. Материалом исследования является работа Жуковского над переводом античной «Одиссеи», по сути освоение Гомера. Традиционно филологи рассматривают перевод как процесс работы над текстом на родном языке и этот самый текст как результат. Весь масштабный процесс освоения художественного текста укладывается в понятие «предпереводческий анализ» и занимает периферийное положение в исследованиях переводоведов по вполне понятным причинам. Продуктивному применению схем и алгоритмов анализа препятствует художественность текста. А когда речь идет о классике, аналитика перевода возможна, как правило, только на основе множества очевидных ошибок в имеющихся переводах, по результатам индивидуальных интерпретаций. Деятельность Жуковского-переводчика 1840-х гг. в этом отношении беспрецедентна. «Инкорпорации» текста в русскую культуру предшествует масштабная работа по его освоению, в этой зоне фронта находятся главным образом его коллеги переводчики.

В переписке 1844 г. В.А. Жуковский упоминает о десяти использованных им художественных переводах «Одиссеи»: двух русских, пяти французских, двух английских и немецком переводе Фосса, который до сих пор считается классическим и на который ровняется поэт. Автор писем дает характеристику языка переводов Поупа и Фосса: «Лучший из них [переводов. – Н.Н.] есть Фоссов; но Фосс дал своему поэтическому переводу характер подстрочного, то есть он жертвовал своим языком языку оригинала; он натянул свое узкое немецкое платье на гигантское тело грека; с этим преобразованием грек остался греком, это правда, но ему ходить неловко в узких не-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 07-04-00052а.

мецких стихах; по швам рвется; и беспрестанно нашивки и заплаты. Перед ним другой стихотворный перевод; не столь исковерканный язык, как Фоссов; зато менее поэзии. Попов смешон своей чопорностью и претензией всё сказать лучше и блистательнее: Поп не имел понятия о святой простоте; он меня смешит и сердит. Французские переводы, которых у меня четыре, служат только для объяснения смысла; в них нет никакой поэтической верности. Есть у меня и русский в прозе, чей не знаю, но кажется должно быть покойного греховодника и секретаря покойной русской академии Соколова, ибо он посвящен покойному Шишкову. Жаль бранить мертвых, а этот переводчик сущая свинья: другой критики ему быть не может¹. Жуковский надеется избежать сухости и неестественности («мужиковатости») языка немцев и «красивостей» английского перевода Поупа, у которого Гомер «является нарумяненным щеголем»: «Чтоб говорить Вам без всяких картинностей, одиннадцать песен Одиссеи готовы; я переводом доволен, он кажется мне простее всех существующих, верен, как проза; но поэтический, и поэтический по образу и подобию Гомера (это ниже) язык же русский, а не греческий, как у немцев, и никакой, как во всех переводах французских и у Попа. Есть перевод английский Cowper, которого я не знаю и который весьма хвалят. Есть и два русских в прозе Соколова и Мартынова. Соколов чистый дурак, а Мартынов был искусный педант, по мне он может быть полезен для технических терминов в последних песнях, которые, кажется мне, будут труднее первых, более разнообразных»².

Перевод Фосса считался лучшим в Европе, и сравнение с ним своего труда для Жуковского — высшая оценка. В письме к А.П. Зонтаг из Баден-Бадена: «Еще пишет ко мне из Берлина Фарнгаген (знаток греческого и русского языков и теперь один из почетных критиков Германии), что он находит, что мой перевод, из всех ему известных, не выключая и Фоссова, самый ближайший к оригиналу. Пишу это вам не из хвастовства, а только потому, что мне это любо: дать России Гомера живьем великая радость»³. К П.А. Вяземскому: «Если, как пишет мне Фарнгаген, говоря о моем переводе: «Wir, Deuten, haben nichts so Gelungenes» [У нас, немцев, нет ничего настолько удачного. — *Н.Н.*], то из этого следует, что мой перевод есть ближайший к подлиннику, ибо до сих пор таким слыл Фоссов: дать отечеству чистого Гомера есть великое утешение»⁴. Великому князю Александру Николаевичу: «Немцы, знатоки русского и грече-

ского языка, говорят мне и печатают, что мой перевод лучше Фоссова, а Фоссов лучший из всех известных переводов Гомера»⁵.

Однако самое тесное сотрудничество в освоении гомеровского эпоса связывало Жуковского с профессором, преподавателем классической филологии из Дюссельдорфа Карлом Генрихом Фридрихом Грасгофом (1799–1874), который перевел «Одиссею» подстрочно специально для Жуковского: «Нашелся честный, ученый профессор в Дюссельдорфе но имени Грасгоф (брат его живописец был, кажется, в Москве); сперва я пригласил Грасгофа читать со мною Гомера: он мне его диктовал, я писал, под каждое слово греческое ставил слово немецкое и грамматические примечания; но это показалось мне слишком продолжительным; Грасгоф мог заниматься со мной только час в день и только три раза в неделю – итого по три часа в неделю на Гомера куда б я с этим уехал? Я поручил Грасгофу сделать для меня подстрочный немецкий перевод. И я имею теперь всю почти Одиссею, таким образом переведенную; сперва строка греческая, под нею строка немецкая; под каждым греческим словом немецкое, ему соответствующее; под каждым немецким словом грамматический анализ слова греческого. Чистая галиматья. Но я перевожу просто с этой галиматии; ибо передо мною весь порядок греческих слов, со всеми их инверсиями, я даже, читая стихи, могу иметь и понятие о гармонии звуков; но непосредственно поэтической прелести оригинала не могу чувствовать, и это едва ли для меня не выгоднее: это дает мне полную свободу угадывать поэтическим чутьем то, что лежит передо мною в немецких безжизненных каракулях, это дает моему переводу характер творчества, имея всю материальную сущность стиха: смысл и порядок слов; я в самом себе должен находить его поэтическую сущность, то именно, что непереводаемо, что надобно создать самому, чего нельзя взять из оригинала, что должно уже иметь в самом себе»⁶.

Именно подстрочник Грасгофа, как замечает сам Жуковский в письме к П.А. Вяземскому от 9 (21) февраля 1844, позволяет остаться верным оригиналу: «Построчный немецкий перевод есть благословенная галиматья и часто совершенно непонятная; но я держусь исключительно этого перевода; он дает мне порядок слов оригинала, дает образ выражения греческого поэта; его инверсии и проч., но не дает ни гармонии стиха, ни действия отдельных слов, заключающегося в их звуке (зато дает их место)»⁷. О своих принципах перевода он написал двумя годами ранее великому князю Константину Николаевичу: «стараюсь в переводе своем наблюдать не только *верность*

поэтическую – что главное – но и *верность буквальную*, сохраняя по возможности и самый *порядок* слов, что на нашем языке довольно возможно с помощью перестановок (*inversion*), которые нашему языку свойственнее всех других новых языков»⁸.

Карл Грасгоф не является случайной фигурой в творческой биографии Жуковского. Из личной переписки двух переводчиков сохранилось письмо К. Грасгофа к Жуковскому, свидетельствующее о тесных контактах переводчиков в осмыслении античного эпоса. Приведем его полный текст:

Der 19. Dezember 1845

Ew Exillenz

Habe ich den Schluss der Übersetzung der Odyssee im Oktober d. J. durch Herrn Banquier Scheuer zugehen zu lassen die Ehre gehabt, ohne dabei schriftlich meinen aufrichtigen Dank für das mir durch die Übertragung der Arbeit bewiesene Vertrauen, so wie für die mit meiner öfteren Saumseligkeit gehabte gütige Nachricht gebührend auszusprechen. Da ich nun nicht gern die Sonne dieser Fahrer über meiner Unart und der Vernachlässigung der Ew. Exillenz schuldigen Respekt untergehen lassen möchte, ohne Ihrer Verzeihung gewiss zu sein, so beeile ich mich noch vor dem Schusse desselben, diese Versäumnis wo möglich nachzuholen: in der festen Überzeugung, dass Hochdieselben mich durch die vielen namentlich beim Anfange neues Schuljahres auf mir lastenden Amtsgeschäfte genugsam entschuldigt hatten und nicht aufhören werden, mich Ihrer mir so werten Wohlgeogenheit auch fernerhin für würdig zu achten. Sollte Ew. Exillenz kostbare Zeit es gestatten, mich in dieser Hinsicht durch einige freundliche Zeilen zu beruhigen, so würden diese mir ein werthes Andenken bleiben an das ehrenvolle Verhältnis, in welchem ich eine Zeit lang zu Hochdieselben zu stehen gewürdigt war.

Wollen Eu. Exillenz das Ihnen geliehene Exemplar der englischen Übersetzung des Homer von Pope als ein geringes Andenken an mich und als einen aufrichtigen Beweis meiner Überzeugung, dass dieses Werk bei Hochdieselben würdigeren Händen beruhe, für Ihre Bibliothek behalten, so werden mich Eu. Exillenz dadurch ungemein glücklich machen. Doch bedinge ich mir dafür – Sie verzeihen meine Kühnheit – dafür ein Exemplar Ihrer Übersetzung sobald diese die Presse verlassen haben wird, als Gegengabe aus auf deren Besitz ich nicht wenig stolz sein werde, wenn schon es mir nicht vergönnt ist, an der Treue und Schönheit der russischen Übertragung durch eigene Lektüre mich zu weiten.

Genehmigen Ew. Exillenz die Versicherung ausgezeichnetster Hochachtung, welche gegen Hochdieselben nach wie vor hegt

Düsseldorf, den 19. Dezember 1845

Ew. Exillenz

ganz gehorsamer Diener K. Grashof⁹

(Вашей светлости

я имел честь послать окончание «Одиссеи» в октябре этого года через господина банкира Шойера, не написав, как должно, о моей искренней благодарности за оказанное мне доверие в работе над переводом, а также за испытанное удовольствие. Так как я не хотел бы умалить должного почтения к Вашей светлости из-за своей невоспитанности и небрежности, не ожидая Вашего прощения, я тороплюсь исправить это упущение: в твердой уверенности, что Вы меня уже достаточно простили,

именно из-за множества моих служебных дел в связи с началом учебного года и не перестанете оказывать мне свое почтение таким дорогим мне расположением и впредь. Если Вам позволит драгоценное время успокоить меня по этому поводу несколькими дружелюбными строками, то они останутся для меня ценной памятью о тех отношениях, в которых я имел честь состоять с Вами какое-то время.

Если Вы желаете оставить в своей библиотеке одолженный экземпляр английского перевода Гомера Поупа как скромную память обо мне и как искреннее доказательство моего убеждения, что это произведение у Вас будет находиться в достойных руках, тем самым Вы окажете большую честь. Но все же я оставляю за собой право – Вы простите мне мою дерзость – на экземпляр Вашего перевода, как только он будет напечатан, как на встречный дар, обладанием которого я буду не менее гордиться, если уж мне не суждено познать верность и красоту русского перевода в собственном чтении.

Примите мои искренние уверения в наивысшем уважении, которое я к Вам испытываю, как и прежде.

Дюссельдорф, 19 декабря 1845
Ваш покорный слуга

К. Грасгоф)

Это сотрудничество переводчиков с публикацией русского перевода «Одиссеи» не окончилось. Работать над «Илиадой» Жуковский начинает также в непосредственной связи с немецким подстрочником. Очевидно, не вполне удовлетворившись предоставленным ему интерлинеарным переводом первых полутора песен «Илиады», Жуковский вновь прибегает к помощи К. Грасгофа. В архиве Жуковского в РНБ имеется рабочая тетрадь из 76 листов с заготовкой для перевода Жуковского, композиция которой аналогична переводу «Одиссеи». На страницах тетради подстрочно переведены первые три песни «Илиады», с 241-го стиха II песни – рукой Грасгофа. Подстрочник Грасгофа в отличие от перевода его несостоявшегося преемника г-на Фишингера более ясен, разборчив и точен. Для немецкого профессора контакт с русским переводчиком также не прошел бесследно. Результатом пословного разбора гомеровского эпоса стало, в частности, его исследование домашнего обихода в произведениях Гомера и Гесиода¹⁰.

Переводя «Одиссею», Жуковский изучает около тридцати разноязычных источников, вносит поправки в имеющиеся русские переводы. Движение от перевода к переводу, от границы к границе позволяет Жуковскому сохранять собственную позицию в многоголосье интерпретаторов, основаться на территории фронта. С другой стороны, полифония переводов напрямую влияет на оформление замысла собственной «Одиссеи». В рукописях поэта находятся многочисленные варианты планируемой «Одиссеи». Начиная свой пере-

вод, Жуковский напряженно размышляет о его обрамлении. Одна из первых попыток переводить гомеровский эпос с греческого подстрочно соседствует со следующим планом работы (в столбце): «Грамматич.<еский> разбор – Конструкция – Примечания – Переписывать набело – Греческое – Русское – Диктовать вслух – Читать дополнение – Предисловие – Примечания – Срав<нить> с Фосс<ом> – Попом»¹¹. Как видно, самостоятельными пунктами в план включаются наряду с непосредственным трудом переводчика и сверка с лучшим немецким и английским переводами, а также работа над предисловием и примечаниями. По мере продвижения перевода все четче и подробнее становятся планы сопутствующих основному тексту эпоса материалов. Когда метод перевода с подстрочника Карла Грасгофа уже вполне сложился, Жуковский расписывает приложения. В середине первой из четырех тетрадей с немецким подстрочником и параллельным переводом Жуковского читаем: «Предисловие. – О Гомере – О переводах Одиссеи – О моем переводе – Приложение. Алфавитный список – Мифологич<еские> лица и географич<еский> словарь. – Особенное прилож<ение> – Содержание песен – Карты – Мир Гомера – Особенности Греции – Итака – Дом Одиссея»¹². Похожие планы оформления русской «Одиссеи» содержатся и в других автографах. Жуковским составлен запланированный алфавитный указатель мифологических имен и названий к первым двенадцати песням, включающий более 300 пунктов¹³.

Словом, поэт серьезно размышляет над оформлением «Одиссеи», поэтому его особое внимание привлекают и сопутствующие элементы других изданий перевода. В личной библиотеке Жуковского сохранились всего пятнадцать переводов «Одиссеи» в различных изданиях: два русских (П.И. Соколова и И.И. Мартынова), четыре немецких (J.H. Voss, A.L.W. Jacob, J.S. Zauper, F. Wiedasch), пять французских (Prince Le Brun; Mme Dacier, Mm. Trianon et E. Falconnet; Dugas Montbel; Th. Devilly et A. Titeux; P. Giguet) и два английских перевода (W. Cowper, A. Pope). Больше других Жуковского, судя по пометам и его собственным отзывам (см. выше), привлекают немецкие переводы. Особое внимание обращают на себя его отчеркивания в двух ранее не привлекавших внимания исследователей и не упоминавшихся самим поэтом в переписке, переводах Гомера: прозаическом переводе «Одиссеи» профессора из Ветцлара (Германия) Ф. Видаша (Штутгарт, 1830) и поэтическом переводе «Илиады» А.Л.В. Якоба (Берлин, 1844). Оба перевода снабжены подробными

предисловиями и комментариями мифологических имен и географических названий, а к прозаическому переводу прилагается введение, научный труд проф. Видаша. Именно эти приложения Жуковский тщательно изучает и находит здесь мысли, созвучные собственным размышлениям об эпосе Гомера.

Как известно, рефлексия Жуковского над переводом неизменно сопрягает три его любимые мысли: об особом эпическом стиле Гомера, о меланхолии древних и о пользе «Одиссеи» для юношества. Во введении Видаша Жуковский отчеркивает следующие принципиальные рассуждения профессора (перевод наш. – Н.Н.):

I. Von allen Schätzen des klassischen Altertums konnte das Geschick uns kein heilbringendes Geschenk retten, als die Homerischen Gesaenge. Wären es die einzigen Überreste Hellenischer Bildung und Vollendung, sie ließen uns alle künftige Größe dieses Volkes ahnen, aber kein späteres Erzeugnis ihrer Kunst hätte uns für diesen Verlust erschädigen können. Denn ist auch das Homerische Epos nichts als der höchste Gipfel aller Poesie zu betrachten, so ist es doch als reine Gattung vollendet und somit fähig, die Idee des Schönen zu entzünden. Wem aber an einem Werke die Kunst des Schönen klar aufgegangen, der hat die ewige Weihe zum Tempel der Schönheit; er wird sie in jeder Form verstehen und ermessen können.

Was wir gerade bei dieser Gattung der Poesie hier als bedeutsam hervorheben möchten ist dies: sie ist die einfachste, kunstloseste, verständlichste und somit allgemein zugänglichste. Jedes menschliche Gemüt kann sie unmittelbar aufnehmen, auch ohne Kunstsinn kann sie erfasst werden. Während die lyrische Poesie einen hohen Grad des Selbstbewusstseins, sei es eine ähnliche Seelenstimmung, aber wenigstens eine Befähigung voraussetzt; den Schwung und Wechsel eines vielfach bewegten Gemütes in sich aufzunehmen, während das Drama in hellenischer Vollendung wegen feines abstrakten Hintergrundes als Kunstbildung, nur von Geweihten begriffen werden kann: bleibt das Epos der offenste, der fasslichste, der harmloseste, der gemüthlichste, der menschlichste Gesang, weil er aus der Mitte lebendiger Sage hervorgegangen, und nur in diesem, also in des Volkes heiterstem Glauben, sich bewegt¹⁴.

(Из всех богатств классической древности судьба не могла сохранить для нас подарка, приносящего большее исцеление, чем гомеровские песни. Если б они были единственным следом эллинского образования и законченности, они позволили бы нам угадать всю будущую мощь этого народа, и ни одно позднее произведение их искусства не могло бы восполнить этой потери. Потому что гомеровский эпос должно рассматривать не иначе как высочайшую вершину всей поэзии, он совершенен как чистый род и тем самым способен воспламенить идею прекрасного. Тот, кому однажды открылась в произведении идея прекрасного, навечно вхож в святилище красоты, он сможет понять и оценить ее в любом виде.

То значительное, на что мы хотели бы обратить внимание, говоря об этом роде поэзии: что он самый простой, самый безыскусный, самый понятный и тем самым общедоступный. Каждая человеческая душа способна воспринимать его непосредственно, ему можно внимать также, и не имея художественного вкуса. В то время как лирическая поэзия предполагает высокую степень самосознания, будь то подобное настроение души, но как минимум дарование, чтобы открыть порыв и изменение

многоподвижной души, в то время как драма в эллинском совершенстве может быть понята как художественная форма только посвященными из-за своего тонкого абстрактного фона: эпос остается самой открытой, самой внятной, самой невинной, самой душевной, самой человеческой песнью, так как он вышел из самого центра живого сказания и движется только этим, светлейшим верованием народа).

2. Ein Homerischer Held ist ungeachtet der unendlichen Verschiedenheit der Sitte und des Volkes auch unter uns jedem gleich erfäßlich und verständlich, weil er sich nur frei und rein darstellt, sich selbst erklärt und ausspricht, des Dichters Kunst ihn nicht umkleidete...¹⁵

(Гомеровский герой внятен и понятен каждому среди нас несмотря на бесконечные различия обычаев и народов, потому что он представляется свободным и чистым, выражается и проявляется, искусство поэта его не затуманивает...).

3. Darum sind gerade die Homerischen Gesänge, die kunstlosen Kinder des frei und unbewusst bildenden Geistes, so wichtig und bedeutungsvoll für Volksbildung. Sie sprechen zu jedem Gemüth <...>¹⁶.

(Поэтому именно гомеровские песни, безыскусные дети свободно и бессознательно творящего духа, так важны и значимы для просвещения народа. Они говорят с каждой душою...).

Отмеченные Жуковским выдержки напрямую перекликаются с его собственными размышлениями о переводе «Одиссеи», о безыскусственности античного эпоса и его образовательной функции. Эти мысли русского переводчика становятся лейтмотивными в эпистолярной летописи «Одиссеи». Позже данные фрагменты, дублирующиеся в посланиях, написанных в 1845 г. И.В. Киреевскому, 1844 г. А.П. Елагиной и, наконец, в 1847 г. С.С. Уварову, войдут в завещанное Жуковским «Предисловие к переводу “Одиссеи”». Сравним:

Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике, встречаешь беспрестанно с естественным его вдохновением и работу искусства. <...> В Гомере этого искусства нет <...>¹⁷

...все имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное — здесь не у места; надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть от того, что все его употребляли, заимствуя его у праотца поэзии; надобно этот изношенный язык восстановить во всей его первобытной свежести и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удаляясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту¹⁸.

По моему мнению, нет книги, которая была бы приличнее первому, свежему возрасту, как чтение, возбуждающее все способности души прелестью разнообразною; только надобно дать в руки молодежи не сухую выписку в прозе из «Одиссеи», а самого живого рассказчика, Гомера¹⁹.

Предисловие Якоба в отличие от Видаша носит характер исповедальный, переводчик делится собственными наблюдениями и отмечает невыполнимость задачи абсолютно точного перевода гомеровского текста на современный язык. Жуковского, очевидно, привлек-

ло замечание Якоба о возможности объективной оценки собственно-го труда, только когда он напечатан:

Als ein tadelloses Spiegelbild des fremden Werks wird uns selbst die gelungenste Übersetzung höchstens in einzelnen Stellen, aber niemals durchgängig erscheinen, weil wir zu derselben teils in uns den Eindruck mitbringen, den jenes nach unserer Eigentümlichkeit auf uns macht, teils in ihr immer, mehr oder weniger, die Versöhnlichkeit des Übersetzters wahrnehmen, deren er sich nie ganz entäußern kann. Denn wenn er sich auch, mit der größten Vorsicht gegen sich selbst, feste Grundsätze für seine Arbeit aufgestellt hat: so ist es ihm doch kaum möglich, dieselben, zumal bei einer umfangreicheren, in beständiger Mannigfaltigkeit wechselnden Dichtung, immer gleichmäßig zu beachten. Je mehr er aber strebt, seine Übersetzung mit der lebendigen Frische des Originals zu durchdringen, um so mehr muss er seiner Muttersprache ihr volles Recht gewähren, er muss sich oft die Umstellungen der Worte und die Abweichungen von der Verbindung der Sätze gestatten, und leicht entsteht hieraus eine Gewöhnung, die über die Grenzen hinaus führt. Obwohl man dies aber während der Arbeit selbst oft bemerkt, so kann oder mag man doch nicht immer zurücklenken, weil einmal der eigene Trieb zu lebendig erregt ist; ja man wird zu einem ganz freien Urteil über sich selbst sogar durch fremde Abschriften seiner Übersetzung nicht hinreichend befähigt; sondern erst durch den Druck wird diese gänzlich aus uns heraus und uns so fern gestellt, dass wir nun klar sehen, wo und wie es möglich, ja leicht gewesen wäre, durch noch größere Annäherung, ohne Besorgnis unerfreulicher Starrheit und eigensinniger Worttreue, noch strengeren Forderungen zu entsprechen²⁰.

(Ни один, даже самый удачный перевод не представит точного отображения чужого произведения в целом, возможно, лишь некоторых его мест; так как мы то привносим в него впечатление, которое произведение на нас производит в соответствии с нашими чертами характера, то мы в большей или меньшей степени замечаем компромиссы, которых переводчик никогда не может полностью избежать. Потому что даже если он, будучи в высшей степени осмотрительным с самим собою, установил для себя твердые принципы работы, он не в состоянии всегда в равной мере их соблюдать, особенно в случае с крупным, меняющимся в своей разносторонности поэтическим творением. Чем более он стремится пропитать свой перевод живой свежестью оригинала, тем более он вынужден предоставлять полную свободу выражения своему родному языку, ему часто приходится прибегать к перестановке слов и отклоняться от связи предложений, из чего легко происходит привыкание, выходить за установленные им самим границы. Хотя часто это сам замечаешь во время работы, но ведь невозможно или не хочется постоянно оглядываться, потому что слишком жив однажды разбуженный собственный порыв, да и никто не способен быть достаточно свободным в суждениях о самом себе, даже при чтении копий со своего перевода. Только будучи напечатанным, перевод может восприниматься на достаточной дистанции, чтобы мы ясно увидели, где и как было возможным, было легко отвечать более строгим требованиям, быть ближе к оригиналу, не опасаясь досадной неказистости и чрезмерной верности слову оригинала).

Русский переводчик, как известно, также стремится к точности и торопится отпечатать свой перевод, не позволяя читать «Одиссею» частями, ибо «на отрывки она не годится». В письме к Р.Р. Родионову от 28 (10) декабря 1847 г.:

«Прошу только, чтобы «Одиссея» отнюдь не ходила по рукам. Она много выиграет, когда будет прочитана в связи и печатная»²¹. Перевод второй части эпоса менее чем за 100 дней стал для Жуковского «настоящим подвигом» («tour de force»), однако, по замечанию самого поэта: «Быстрота работы ничему не повредила, ибо я поправлял в печатной корректуре, и поправлял с величайшею строгостью, так что иной лист до 5ти раз был ко мне присылаем. А в корректуре поправляется лучше»²².

Таким образом, концепция русской «Одиссеи» складывается на территории фронта, в зоне неустойчивого равновесия. Нельзя согласиться с мнением критика, утверждавшего, что «в своей работе над Гомером он <Жуковский> не пользовался никакими пособиями вне текста поэм» и «нигде у Жуковского нельзя найти понимания того, что перевод Гомера требует филологической подготовки»²³. Поэт творит свой целостный художественный текст, сознательно прислушиваясь к мнению других переводчиков. Характер помет в разноязычных изданиях эпоса свидетельствует о вдумчивом и внимательном изучении Жуковским различных ипостасей «Одиссеи». В результате этого взаимодействия многих дискурсов создается творческая атмосфера порубежья, свободная от твердых традиций и клише. Так «парадокс Жуковского-переводчика» (С.С. Аверинцев), достигшего к 1840-м гг. вершины переводческого мастерства, во всей полноте раскрывается в процессе перевода «Одиссеи».

¹ Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 44.

² Жуковский В.А. Письмо к А.П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г. // Наше наследие. 2003. №65. С. 78.

³ Жуковский В.А. Письмо к А.П. Зонтаг от 5 (18) марта 1849 г. // Уткинский сборник. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой. М., 1904. С. 125.

⁴ Жуковский В.А. Письмо к П.А. Вяземскому от 18 (30) апреля 1850 г. // Жуковский В.А. Соч.: В 6 т. СПб., 1878. Т. 6. С. 637–638.

⁵ Жуковский В.А. Письмо к Великому князю Александру Николаевичу от 16 (28) июня 1850 г. // Жуковский В.А. Сочинения: В 6 т. СПб., 1885. Т. 6. С. 359.

⁶ Жуковский В.А. Письмо к А.П. Елагиной от 5 (17) декабря 1844 г. // Наше наследие. 2003. №65. С. 80.

⁷ Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 45.

⁸ Жуковский В.А. Письмо к Великому князю Константину Николаевичу от 28 октября (9 ноября) 1842 г. // Жуковский В.А. Сочинения: В 6 т. СПб., 1878. Т. 6. С. 359.

⁹ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 203.

¹⁰ *Grashof K.* Über das Hausgerath bei Homer und Hesiod. Jahresbericht über das Königliche Gymnasium zu Düsseldorf. Düsseldorf, 1858.

¹¹ ПД. 27781; Л. 2.

¹² РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 45-1. Л. 186.

¹³ Там же. Оп. 2. № 10.

¹⁴ *Homer's Werke*, im Versmass der Urschrift übersetzt. I. Odyssee, übersetzt von F. Wiedasch, Professor zu Wetzlar. Stuttgart, 1830. S. 1–2.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. S. 3

¹⁷ *Жуковский В.А.* Письмо к С.С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. // Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. СПб., 1816. Ч. 2. С. 659.

¹⁸ Там же. С. 660.

¹⁹ Там же. С. 661.

²⁰ *Homer's Ilias*. Übersetzt von Dr. A.L.W. Jacob. Berlin, 1846. S. IV

²¹ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 129. Л. 35.

²² *Жуковский В.А.* Письмо к Д.П. Северину от 12 (24) мая // Русский архив. 1938. № 9–12. С. 48.

²³ *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964. С. 359.

«ODYSSEY» OF V.A. ZHUKOVSKY: TRANSLATION AS A FRONTIER TERRITORY

N.E. Nikonova

Tomsk State University

The concept of frontier is applicable concerning any translation and translating of the classics. The Zhukovsky's work of 1840 is unexampled on this point. The serious working on the familiarization precedes the incorporation of the antique epos into the Russian culture. On this frontier territory are located first of all the colleagues (translators) with their interpretations.

In correspondence of 1844 Zhukovsky mentions ten translations of «Odyssey» using by him: two Russian, five French, two English and one German variant of J.W. Voss. He tries to avoid the «aridity» of the German translation and the «prettiness» of the best English variant by Alexander Pope.

The closest collaboration joins Zhukovsky with the professor K.G.H. Grashof (1799–1874), who translated the whole «Odyssey» word-by-word into the German especially for him.

In the Zhukovsky's private library in Tomsk kept safe sum total fifteen translations of «Odyssey» in several editions. Two German transla-

tions of Homer – the prosaic book of F. Wiedasch (Stuttgart, 1830) and poetical variant of «Ilyad», translated by A.L.W. Jacob (Berlin, 1846) – are of interest. The Zhukovsky's labels in these books coincide with his own thoughts about naivety of the antique epos and his educational function, which become the leitmotifs at the Zhukovsky's «Foreword» to Russian «Odyssey».

As a result of this co-operation of many discourses is created the producing zone, frontier atmosphere, free of fest traditions and clichés.